

УДК 94 (47). 084. 1. 2

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВЛАСТЬ НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
(МАРТ – ИЮНЬ 1917 г.)**

© А.П. Шекшеев

В данной статье освещаются революционные события весны – начала лета 1917 г. на юге Енисейской губернии. Автор рассматривает создание и деятельность комитетов общественной безопасности, их взаимоотношения с другими ветвями власти. Показано, что минусинская демократическая общественность, устранив старую власть, создала представительные органы, которые по разным причинам были не в силах единолично руководить революционным процессом. Оказавшись под прессингом большевиков и солдатской толпы, они утратили свою политическую значимость. Возникшее с самого начала революции многовластие закономерно способствовало установлению диктатуры радикально настроенных низов.

Ключевые слова: большевики, борьба, демократия, комитеты, крестьяне, общество, рабочие, революция, советы, солдаты.

**REVOLUTIONARY POWER IN THE SOUTH OF THE YENISEI
PROVINCE (MARCH – JUNE 1917)**

© A.P. Sheksheev

This article highlights the revolutionary events of spring-early summer of 1917 in the South of the Yenisei province. The author shows the creation, activities, relations with other branches of the government and the fate of the first committees of public safety. It is shown that the Minusinsk democratic community, eliminating the old regime, created a representative bodies, which for various reasons were not able alone to lead the revolutionary process. Being under the pressure of the Bolsheviks and soldier of the crowd, they lost their political significance. Arising from the very beginning of the revolution polyarchy naturally contributed to the establishment of the dictatorship of the radical masses.

Key words: the Bolsheviks, struggle, democracy, committees, peasants, society, work, revolution, tips, soldiers.

Будучи беременной революцией еще со времен запоздавшей отмены крепостного права, Россия к стихийному началу ее в феврале 1917 г. пришла со всеми признаками военно-политического и финансово-экономического кризиса монархического строя. Насильственное свержение самодержавия было обусловлено тяжелым социально-экономическим положением страны, усугубленным тяготами Первой мировой войной, разрывом связи монархии с народом и отставанием политической системы от новых социальных условий, падением авторитета православной церкви, кризисом религиозного чувства и оскудением веры, а также предательством общенацио-

нальных интересов политическими и военными кругами. Согласно взглядам одного из исследователей, политическая система, возникнув на дрожжах интеллигентских эмоций, не выражала практических интересов социумов. В обществе все более утверждалась мысль о том, что победа в войне не может быть достигнута без верхушечного переворота [1, с. 39, 44, 53].

Известия о революции всколыхнули сибирскую общественность, оказавшую массовую поддержку демократическим преобразованиям. Наряду с назначением губернских комиссаров Временного правительства, на местах представители демократических партий, которым революция

отвела роль своих проводников, совместными усилиями стали создавать комитеты общественной безопасности и советы.

В отсутствие стабильной и жизнеспособной партийной системы, способной вести политическую борьбу между различными политическими силами, революция, по мнению одного из исследователей, уничтожила правый фланг партийно-политического лагеря, ослабила его центр, который не имел широкой и надежной социальной базы, укрепившейся в массах идеологии, и резко усилила социалистические партии [23, с. 9].

В силу того, что широкие слои населения были склонны к прямой демократии, укорененной традициями сходов и общины, феномен «демократии» и «демократизации» воплощался на российской почве своеобразно и играл скорее роль тарана, разрушающего прежние структуры власти, нежели выполняющего конструктивные функции [3, с. 41]. Хотя все революционные органы пытались стать выразителями интересов народных масс, комитеты с самого начала заняли надклассовую позицию, а советы выражали интересы наименее защищенных слоев населения. Поэтому более правильными, вопреки мнению некоторых историков о том, что в условиях сложившегося «двоевластия» серьезных противоречий в отношениях между различными органами власти до лета 1917 г. не возникало [7, с. 146], остаются суждения о распространении в провинции «многовластия», которое вело к неустойчивости властной структуры и неспособности ее оперативно реагировать на требования народных масс [3, с. 40].

Не решив проблему преемственности своей власти и выдвигая сугубо либеральные лозунги, доминирующие на первом этапе революции, демократы не проявили твердости в отстаивании государственных устоев и начали их реформирование с разрушения. В Сибири они так и не добились тактического единства с представительством Временного правительства [6, с. 113–117]. В начале мая 1917 г. произошел под воздействием центра и В.И. Ленина, считает один из историков, раскол и среди социал-демократов: большевики были отозваны

из комитетов и сосредоточены на работе в советах рабочих и солдатских депутатов [30, с. 243]. Они стали, по признанию современных ученых, формой непосредственной демократии, средством мобилизации антиконституционных деструктивных сил и системой управления, маскировавшей заговор, созревший с целью захвата власти [13, с. 16–17]. К тому же, в условиях роста аномии и агрессивности, в обществе стал распространяться большевизм, выражавшийся в интуитивном одобрении его представителями разрушительных революционных процессов и желании социального реванша [23, с. 9].

Будучи яркой иллюстрацией сказанного выше, создание, деятельность и судьба первых органов революционной власти в Минусинске и уезде уже освещались как очевидцами, так и историками [2, 12, 20, 22]. Однако в силу идеологических пристрастий авторов, незначительности их исследовательских экскурсов эта тема так и не стала объектом широкого и глубокого, а где-то и объективного изучения. К примеру, протоколы заседаний Минусинского КОБа не подтверждают заявление большевиков о членстве в нем их товарища А.П. Спундэ, современный исследователь неверно представляет иерархию взаимоотношений между минусинскими городским и уездным КОБа, а другой ошибается, утверждая, что председателем уездного КОБа был избран эсер М.А. Агуф [2, с. 40; 12, с. 111; 22, с. 20].

Необходимое достоверное освещение личностей революционной власти, несмотря на выполнение местной исследовательницей серьезной работы о политических ссыльных Минусинского края, по ее же признанию, является далеким от завершения [8]. Советская власть не была заинтересована в предоставлении биографических сведений о загубленных ею деятелях революции – представителях политических сил, с которыми большевики вели ожесточенную борьбу. Между тем происходивший здесь общий для Сибири революционный процесс был полон драматических и сложных событий, познание которых углубляет историю, делая ее поучительной для рос-

сийской демократии, что и определяет актуальность нового исследования.

Организация новой власти в Минусинске произошла по инициативе политических ссыльных и проходила под их руководством. Получив известие о революционном перевороте в столице, ее лидеры: меньшевик В.К. Иков, эсер Н.Я. Быховский и большевик А.П. Голубков 3 марта 1917 г. организовали совещание, открывшееся приветственной речью местного священника о. Ф. Горбунова и проходившее под председательством исполняющего обязанности городского головы П.А. Бахова. Названное большевиками «предательской деятельностью меньшевиков и эсеров» [3, с. 40], оно стало первым заседанием Минусинского комитета по охране общественного спокойствия, куда кандидатами были предложены представители различных политических партий (М.А. Агуф, А.П. Голубков), священнослужители (Ф. Горбунов, В.И. Кузьмин), должностные лица (В.Ф. Цявловский) и др. На заседании этого органа, через два дня переименованного в комитет общественной безопасности (КОБ), было решено издавать бюллетень комитета и создать специальную группу по составлению и распространению воззвания «с разъяснением населению смысла совершающихся событий». Позднее такая же задача была поставлена перед И.Г. Сафьяновым, которого комитет откомандировал для «успокоения» инородцев. В присутствии исправника и представителя гарнизона, заявивших о признании новообразованной власти, было решено разоружить полицию и сформировать народную милицию, а также организовать сбор денежных средств для организации охраны города [14, л. 1].

На следующий день в Минусинске состоялся митинг представителей общественных организаций и гласных городской думы с участием рабочих, насчитывающий тысячу участников. Собравшиеся избрали КОБ, состоявший (вместе с кооптированными позднее) из 57 членов. Они же, в свою очередь, создали исполком с председателем П.А. Баховым, его товарищем (или заместителем) – Ф. Горбуновым, секретарем – М.И. Хачатуровым и членами: Р.И. Зефириным, Я.И. Шомесовым,

И.Г. Сафьяновым, Н.Я. Быховским и В.К. Иковым [18, л. 4–5; 26, 7 марта]. Тут же комитет направил делегацию к освобожденной из ссылки и отъезжавшей из Минусинска в Петроград известной социалистке-революционерке, «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Члены ее выразили от имени населения «чувства восхищения перед ее стойкостью в защите интересов народа». Позднее, 8 марта, КОБом рассматривался вопрос о покупке дома, в котором она проживала, для организации в нем бесплатной школы для детей окраин. Кроме того, в местном музее было решено открыть особую комнату имени «бабушки» [12, с. 114; 14, л. 10].

С целью окончательного упразднения прежней власти, Минусинский КОБ постановил подвергнуть аресту вернувшегося из Ачинска жандармского ротмистра Н.И. Смирнова, агентов его управления и прапорщика местной команды Н.А. Адике, который занял выжидательную позицию. Вместо арестованного капитана Шашина начальником гарнизона и комендантом города был назначен член КОБа В.Ф. Цявловский, а начальником организуемой милиции – бывший юрист, сосланный за участие в революционном движении на Черноморском торговом флоте, М.П. Адамович. В то же время комитет решил отметить переход к республиканскому правлению проведением митинга с молебном и парадом войск гарнизона и милиции [14, л. 4, 6, 8; 26, 7, 8 марта].

Особенностью организации власти в Минусинском крае, по мнению очевидца, являлось создание не только городского, но и уездного комитетов. Одновременно, 4–5 марта, на съезде уполномоченных потребительских обществ Минусинского уезда по инициативе и под председательством народника и агронома И.П. Бедро был сформирован уездный комитет, тут же получивший финансовую поддержку от кооперации. В него вошли от потребительских обществ И.И. Аланов, Т.И. Савенков и от Союза кредитных товариществ – М.А. Агуф и Е.Д. Добров [24, 29 апреля]. Его организация и наличие в нем местных общественных деятелей объяснялись современниками боязнью общественности

анархии, потенциальным источником которой могла стать политическая ссылка, и доверием населения к своим лидерам. 6 марта существование этого органа было признано на заседании городского КОБа, а пятеро его членов приглашены в его состав [14, л. 6]. Уже 7 марта уездный КОБ известил городской орган о командировании активистов для организации в уезде волостных и сельских комитетов [12, с. 111].

Но такие поездки не всегда заканчивались положительным исходом. Собравшись в волостном правлении, около 100 жителей с. Восточенского спокойно встретили известие приехавшего пристава Тетюхина о падении самодержавия и обещали поддержку новому правительству. Но затем несколько пьяных лиц, в прошлом отбывавших наказание в тюрьме, встретив должностное лицо, избili его в присутствии полицейского и солдата [29, л. 10; л. 2].

Согласно более поздним воспоминаниям большевиков, в Минусинске складывались три центра влияния на общественно-политическую жизнь. Политическими ссыльными и местными общественными политиками формировался «союз защиты завоеваний революции», состоявший из представителей либеральной интеллигенции, зажиточных слоев и домовладельцев. Ссылные марксисты организовывали рабочих и солдат, а крестьянство группировалось вокруг уездного КОБа и кооперации [21, с. 134].

Созданные же общественностью КОБы представляли собой коалиционные органы, объединявшие весь спектр местных политических сил от кадетов до большевиков. Так, созданная в марте 1917 г. Минусинская группа РСДРП в составе 40 членов и под руководством большевика Ю.П. Гавена уполномочила присутствовать на заседаниях КОБа в качестве своих представителей того же Гавена и Р.Г. Рамишвили. 5 марта в городской комитет явилась делегация из пяти солдат, в частности И.Е. Карпова, П.Ф. Безматерных, объявившая о поддержке гарнизоном власти Временного правительства. Они также были введены в его состав [14, л. 4; 22, с. 216]. Среди городских комитетчиков находились кадет П.А. Бахов, народные социалисты Р.И. Зе-

фиров, В.И. Кузьмин и И.Я. Чибизов, эсерка Л.Н. Злобина-Ядринцева, а также большевики К.И. Адосинская и А.П. Голубков. Кроме социалиста-революционера М.А. Агуфа, исполнявшего обязанности секретаря, членом уездного КОБа являлся представитель ПСР Е.Д. Добров. К его работе были привлечены и представители коренного населения: кадет И.И. Аланов, народный социалист И.М. Барашков и эсер И.И. Тютюбеев.

В основном членами комитетов стали представители интеллигенции. Так, к примеру, Аланов был кооператором, Голубков – врачом, Иков – банковским служащим, Назаров – учителем, Тропин – литератором, Хачатуров и Быховский – журналистами, а Чибизов – директором училища. Некоторые из них являлись блестящими ораторами, полемистами и владели литературным даром. Большинство же данных лиц, владея навыками подпольной работы, не имели способностей и опыта административно-хозяйственной деятельности. В то же время городской комитет, согласно характеристике очевидца, «отличался большим радикализмом, чем... уездный комитет» [21, с. 132–133], а его члены находились под постоянным прессингом со стороны революционных масс. Они страдали радикализмом, скорее всего, не столько в своем поведении, сколько в высказываниях, претензиях и неумении договариваться.

Отношения между комитетчиками и большевиками не заладились сразу же. По мнению очевидцев, это было обусловлено появлением большевистской листовки, в которой революция признавалась в качестве орудия, способствующего переходу власти «из рук дворянской бюрократии в руки буржуазии», и ситуацией с начальником гарнизона Шашиным, которого КОБ пригласил на свое заседание, а солдатская делегация его там арестовала [2, с. 40–42].

Несмотря на вызывающее поведение большевиков, политические разногласия вызревали также и в лоне самого Минусинского комитета. Как совершенно справедливо отмечал один из авторов, члены его уже 6 марта объявили о своей власти не только в городе, но и в уезде, а 12-го заявили о том, что уездный КОБ является учре-

ждением, подчиненным городскому комитету и играющим роль его исполкома по уездным делам [14, л. 6, 15; 22, с. 217].

Однако обстановка требовала порой совместных усилий обоих комитетов. Революция вместе со стремлением к демократическим преобразованиям вызвала в обществе нетерпение, переходящее в бунтарские настроения. 7 марта в Минусинске распространились слухи о «брожении» среди ожидающих правительственной амнистии заключенных местной тюрьмы. Назначенные комиссары выявили их тяжелое положение. На следующий день КОБ с целью его улучшения направил в распоряжение начальника тюрьмы денежную сумму, запросил соответствующие органы о снабжении ее дровами и мукой. Мировым судьям было предложено явиться в город для пересмотра некоторых дел. Докладывая на заседании КОБа 10 марта о переполненности тюрьмы и антисанитарии в ней, лица, посетившие ее, ходатайствовали об увеличении арестантского пайка, улучшении медицинского обслуживания заключенных и введении института старост, а также об изыскании денежных средств, которыми необходимо было наделить 150 арестантов, вышедших на свободу. В связи с просьбой, полученной от них, КОБ ходатайствовал о снятии кандалов перед министром юстиции А.Ф. Керенским [14, л. 8, 10, 12, 15].

Минусинский комитет продолжал свою организацию: 12 марта оформилось его Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов (М.А. Агуф, П.А. Бахов, Ф. Горбунов, Р.И. Зефилов, И.Г. Сафьянов, Я.И. Шомесов, А.Д. Яковлев) и трех кандидатов (А.П. Голубков, В.И. Кузьмин и А.Г. Шустер) [14, л. 15].

Распространялись комитеты и в селениях уезда. Так, в волостном селе Ермаковском КОБ был организован во главе с Нехорошевым. Появились органы новой власти и в хакасских местностях – в с. Усть-Абаканском и Верх-Аскизе. 6 марта в волостном селе Усть-Абаканском имело место собрание граждан села и близлежащих улусов. Крестьяне разоружили чинов полиции, образовали КОБ и народную милицию. 7 марта в д. Ильинской Шалаболинской волости избрали КОБ и милицию. На созван-

ном старостой 8 марта сходе в с. Усинском приняли участие 200 жителей, которые, заслушав учителя, священника и ссыльного, признали власть Временного правительства, учредили комитет народного спасения и решили организовать милицию. 9 марта был избран КОБ под председательством Попова в с. Салба. В тот же день общее собрание жителей с. Каратуза создало КОБ в составе 12 членов, 10 марта его председателем стал инспектор училища А.А. Мильчаков и начальником милиции – сельский староста Т.И. Мосин. Тут же население для нужд местной власти собрало по подписке денежные средства.

Вопреки усилиям черносотенцев, избранный 12 марта комитет в с. Каптыревском возглавил политический ссыльный и эсер В.С. Карцев, его товарищем был избран священник Соловьев, секретарем В.П. Стародубцев, а членами: Т.В. и С.П. Горевы, Ф.М. Губинов и Н.И. Монастыршин. Отыскав необходимые денежные средства и медикаменты, КОБ постановил открыть прием больных в местную лечебницу. Созданный в с. Субботино комитет объявил борьбу с хулиганством, а в с. Шунеры собрал и отправил в адрес Временного правительства денежные средства [4, 23 марта; 5, с. 123; 12, с. 112; 26, 15, 18, 19, 23 марта, 28 апреля].

12 марта общим собранием населения д. Абакано-Заводской и рабочих Абаканского железодельного завода был избран КОБ, состоявший из семи членов, в частности председателя политического ссыльного социалиста-революционера П.Н. Тарелкина, писаря П.И. Анциферова и сельского старосты Шморина (с совещательным голосом). Комитетчики решили открыть потребительскую лавку, создать милицию, установить контроль за ценами и продуктами, а также повели борьбу с самогонварением.

Сложнее оказалось оформить новую власть в казачьей станице Таштып. Сообщение об отречении царя здесь стало известно еще 7 марта, а 9 марта газета с этой информацией зачитывалась на общем собрании населения. На станичном сходе 13 марта иногородние по этому поводу ликовали, казаки же сомневались в возможности

«жизни без царя». Накануне волостного схода, должного избрать КОБ, разночинцы и казаки провели собрания по выдвижению кандидатов. В комитет были избраны 11 лиц, в основном представлявших казачье сословие, в частности председателем – И.М. Кузьмин, секретарем – К.М. Раевский, казначеем – Г.М. Кузьмин, членами: дьякон О.М. Чумаковский, В.Е. Боргов, В.Г. Вайков, П.Р. Зырянова, И.С. Каргаполов, С.С. Кузьмин, И.А. Шахматов и С.Я. Шуваев. Ими была создана милиция, состоявшая из пяти членов, приняты меры по выявлению огнестрельного оружия и самогонных аппаратов. Но уже 26 марта группа разночинцев и крестьян, которые сочли, что в КОБ и милицию прошли «недостойные лица», по инициативе священника Новочадовского и под председательством А.И. Олефимского начала борьбу с «темными силами» [24, 15 апреля].

Большинство населения встретило революцию с воодушевлением и высказывалось в поддержку новой власти. К примеру, на состоявшемся 19 марта в с. Тесь женском собрании учительница поздравила собравшихся как участниц первого революционного мероприятия. Они избрали двух представительниц в КОБ. Проходившее в тот же день в с. Моторском собрание общества потребителей приветствовало «зарю свободы», а 23-го послало телеграмму в адрес Государственной думы с заверением в преданности Временному правительству. Курагинский комитет отправил приветственную телеграмму в Петроград. Жители д. Ильинской собрали для нужд армии денежные пожертвования [24, 22, 23 марта, 11, 15 апреля].

Справившись с организацией КОБов в некоторых селениях, уездный комитет приступил к реорганизации правоохранительных органов. 14 марта он постановил упразднить уездную и городскую полицию, начальнику городской милиции Адамовичу, назначенному через день еще и уездным комиссаром милиции, принять дела управлений. 16–17 марта он вместо уволенных классовых чинов полиции, станových приставов, городских и стражников набрал для охраны порядка в Минусинске, по рекомендации местных граждан, 15 пеших и 6

конных милиционеров. Состоявшееся следом их собрание постановило ускорить процесс организации оплачиваемой милиции в городе и уезде [24, 19, 21 марта].

Одновременно с усилением значимости уездного КОБа в политической жизни региона налаживалась и деятельность местных большевиков, сосредоточивших свои усилия на работе среди солдатских и рабочих масс. Еще 11 марта члены большевистской фракции IV Государственной Думы Н.Ф. Шагов и Ф.Н. Самойлов посетили местную команду, после чего солдаты вручили им наказ защищать их интересы. Но уже вскоре военнослужащие гарнизона приняли присягу правительству, а члены КОБа озаботились обеспечением их бельем, одеждой, сапогами, медпомощью и литературой. Для солдат, приезжающих домой, дамский комитет подготовил помещение, начальнику милиции было предписано выдавать отпускникам открытые листы для бесплатно-го проезда [2, с. 42; 14, л. 21–22].

15 марта 1917 г. в Минусинске состоялось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, избранного из 23 представителей от рабочих, 5 – от солдат и по 2 – от социалистических партий. Его участники создали исполком (М.А. Агуф, Ф.А. Герасимов, А.П. Голубков, Л.Н. Злобина-Ядринцева, И.Е. Карпов, А.Х. Фокин и С.Г. Эйдеберидзе), продовольственную комиссию из семи членов и делегировали трех своих представителей (М.С. Васильев, А.Ф. Южанин и Ф.А. Герасимов) в городской КОБ. На первом заседании исполкома, 17 марта избравшего своим председателем эсера Агуфа, было решено открыть биржу труда и издавать газету «Известия». Несмотря на то, что рабочие массы города в это время еще шли за эсерами и меньшевиками, большевикам удалось провести в совдеп нескольких членов, а избранный в состав исполкома Голубков вскоре стал товарищем председателя [2, с. 43; 26, 17, 19 марта]. Следом, в марте – апреле 1917 г., были организованы советы рабочих и солдатских депутатов на рудниках «Юлия», «Улень» и «Богомдарованный».

С самого начала своей деятельности КОБы были вынуждены сотрудничать между собой и советом. Так, когда просушка

заготовленного интендантством для армии хлеба, порученная продовольственной комиссией совдепа, не удалась, то уездный КОБ решил взять продовольственное дело в свои руки, подключив к нему кооперацию [14, л. 18, 20]. Или, заслушав под шумные аплодисменты телеграмму министра юстиции об амнистии уголовным преступникам, члены городского и уездного комитетов 21 марта решили с целью их освобождения командировать в тюрьму специальную комиссию в составе работников прокуратуры и комиссаров, а также выделить для поддержки данных лиц 3 тыс. руб. Через день из Минусинской тюрьмы были освобождены 220 заключенных, а еще 26-го готовились к выходу на свободу. Комиссия снабдила их некоторым количеством одежды и обуви. Более мягкими становились отношения комитетчиков и с лицами, продолжавшими находиться в заключении. Например, по заявлению заключенных, которые дали слово вести себя спокойно, в тюрьме было разрешено на три дня празднования Пасхи держать камеры открытыми [14, л. 21–22, 31; 17, л. 123; 26, 23, 25 марта].

Совместно с советом решал некоторые вопросы и городской КОБ. Так, 30 марта их члены приняли «Положение о примирительных камерах рабочих», которое должно было регулировать трудовые споры между работодателями и работниками. В соответствии с этим документом, совет получил право контролировать деятельность камер. Он объявил об установлении 8-часового рабочего дня, начал организовывать профсоюзы на предприятиях и стал принимать решительные меры по борьбе со спекуляцией [23, с. 21].

Особенностью в деятельности сибирских комитетов являлось оказание помощи амнистированным каторжанам. Получив 22 марта решение Иркутской тюремной инспекции, повторяющее приказ по министерству внутренних дел о расселении освобожденных каторжников, занятых на строительстве Усинской колесной дороги и сосредоточенных в с. Ермаковском, Григорьевке, Верхнем Кужебаре и Имисском, Минусинский КОБ создал комиссию по их устройству и послал в район их находде-

ния комиссаров. 31 марта и 11 апреля комитетчики запрашивали в инспекции на нужды бывших каторжан из 39 тыс. руб. доходов Усинской дороги перевода в сумме 9 тыс. руб.

К 18 апреля первые 300 амнистированных каторжан, одетые в лохмотья, лапти и рваные сапоги, появились в Минусинске, где им были предоставлены временное жилье и пожертвования. Судя по отчету комиссии, к 22 апреля её помощью воспользовались 2936 данных лиц, а на довольствие в Минусинске были поставлены 170–180 человек. Но многие из них изъявили желание провести отпуск в родных местах. Не имея возможности следить за поселенцами и наблюдая обеспокоенность населения по поводу их наплыва, Минусинский КОБ охотно ходатайствовал перед Временным правительством о возвращении их в родные места, а 24 апреля постановил выдать им паспорта с правом проживания по всей России. Однако губернский комиссар 28 апреля заявил о возможности выезда данных лиц за пределы подведомственной ему территории только после отбытия трехлетней ссылки и предложил начальнику уездной милиции принять меры по их трудоустройству. На 26 апреля в Минусинском уезде были размещены 596 амнистированных.

Вместе с тем, запрошенные в Иркутской тюремной инспекции денежные средства в распоряжение Минусинского комитета так и не поступили. Частные же пожертвования от мусульманской общины, Сибирской компании, общества потребителей, торгового дома Смирнова, товариществ Ивановых и Вильнеров, различных частных лиц и денежные средства, полученные при проведении специальной лотереи и литературно-драматического вечера, в сумме более 4 тыс. руб., комиссия целиком истратила на путевое довольствие амнистированных и содержание специального пункта, предназначенного для их ночлега и питания. Поступившие от населения одежда, обувь и продукты комиссия распределила между нуждавшимися. Отсутствие надежного и постоянного финансирования осложняло деятельность КОБа по размеще-

нию амнистированных и их нахождение в Минусинске.

Поэтому в мае – июне 1917 г. некоторые бывшие каторжане, воспользовавшись разрешением командования Иркутского военного округа и бесплатным проездом, отправились на службу в сибирские запасные полки, дислоцированные в Красноярске и Ачинске. Так с Усинской колесной дороги в Красноярск прибыли 500 бывших каторжан [4, 5 мая; 14, л. 49, 57; 17, л. 15, 22, 31–32, 34, 50, 67–68, 114, 122–124, 199; 26, 18 апреля]. Но, вопреки действительному положению дел, получение амнистированными права выехать за пределы губернии бывшие члены Минусинского Совета потом приписали себе [2, с. 43–44].

Очередной акцией большевиков, ведущей к конфронтации с КОБом, стала их попытка обрести контроль за милицией. 26 марта в Минусинске состоялось собрание, на котором из 80 её членов присутствовал 31 человек. Они единогласно приняли предложение большевика Гавена избрать комиссию из трех человек, которые, пополнившись двумя представителями от гарнизона, должны были заняться формированием новой милиции [14, л. 51].

Еще одним делом, общим для минусинских властей, стали учет и переоценка стоимости имевшихся в местной торговле товаров, что было вызвано недовольством и возможными эксцессами со стороны населения, возбужденного слухами о залежах довоенных и дешевых товаров, а инициированы – общим собранием гарнизона. 9 апреля была создана комиссия по нормированию цен на товары, в которую вошли по три представителя от совдепа и гарнизона, КОБа и владельцев магазинов, один – от продовольственного комитета и пятеро – от общества приказчиков.

Владельцы магазинов не смогли предоставить комиссии оправдательных счетов по закупке некоторых товаров, а покупательная цена на них колебалась. Поэтому её члены решили снизить цены на товары без счетов на 75, на предметы роскоши – на 30 процентов и закрыть магазины французского подданного Штеблера, продававшие охотничьи ружья и припасы по высоким ценам. Осуществив эту работу в магазинах

Смирнова, частью у Савельева, Вильнера, Калнина и Рогозинского, комиссия постановила во избежание возможного психоза толпы и скупки населением товаров открыть все торговые точки сразу. Приказчикам было указано продавать дешевую мануфактуру в ограниченных размерах [14, л. 2–7].

К этому времени население еще положительно воспринимало революционные преобразования и поддерживало местные органы власти. Крестьян, например, привлекали открытые заседания Бейского волостного КОБа, забыв на время пьянство и хулиганство, они активно участвовали в общих собраниях. Жители и местная колония ссыльных сочувственно относились к уволенному без содержания старейшему в губернии полицейскому приставу Зудину, который не был «держимордой» и «лихоимцем». Напротив, сдерживаемые милицией толпы народа требовали немедленной расправы над виновным в хищениях и присвоении посылок в армию начальником местного почтового отделения Власовым [24, 12 апреля].

В ряде местностей основная деятельность комитетов заключалась в борьбе с самогонварением. Прекращение деятельности винокурных заводов, например, наблюдалось в с. Табат, Иудино и Салба. Собравшиеся на съезд комитетов Комской волости представители крестьян постановили не только упразднить волостное правление и передать его функции избранному волостному КОБу, но и обязать его отправлять самогонщиков в тюрьму. По настоянию уважаемого инородцами Усть-Уйбатского КОБа, уничтожению подверглись до сотни самогонных аппаратов. Совместно с милицией комитетчики боролись и с распространением среди коренного населения игры в карты [19, 26 апреля; 26, 12, 18, 28 апреля].

Выступая за созыв Учредительного собрания и войну до победного конца, собрание бывших солдат с. Шушенского под председательством В. Кармальского 9 апреля решило оказать содействие местному КОБу, переизбрать должностных лиц и организовать сельскую милицию. Со времени образования комитета село, как пишет оче-

видец, «переродилось»: в праздник не стало видно пьяных и хулиганов, а население, справив обедню, отправлялось в школу или на собрание. Жители добровольно доставили закупленный интендантством хлеб на пристань. Позднее состоявшийся под председательством бывшего члена Государственной Думы С.А. Ермолаева сход охотно откликнулся на его призыв приобретать облигации государственного займа свободы [24, 14 апреля, 9 мая].

Однако вскоре появились первые признаки противоречий в деятельности комитетов, избранных на местах, и вышестоящей власти. Так, Григорьевский волостной КОБ, в составе которого находилось много политических ссыльных, призвал население не платить подати Временному правительству и предложил властям соседних территорий следовать его примеру. Городской и уездный КОБы были вынуждены довести до сведения его членов о недопустимости и незаконности такого поведения. Обеспечение городской продовольственной управы дровами стало возможным лишь после переговоров между минусинскими властями и Мало-Ничкинским КОБом. В интересах местной группы лиц начал действовать и Абакано-Заводской комитет, разоруживший стражу Алтайского лесничества [14, л. 35, 38, 56; 26, 12, 29 апреля].

Впоследствии ослабление лесной стражи привело к многочисленным пожарам. Она и нанятые немногие сторожа были бессильны бороться с возгораниями, возникшими в Минусинском лесничестве. 14 апреля начался пожар в Синявинских лесных дачах, перекинувшийся и угрожавший постройкам Николаевского прииска. После того как рабочие Троицкого рудника не смогли помочь своим товарищам, был пущен встречный пал. Пожар стих только с начавшимся дождем, оставив выгоревшую площадь в тысячу десятин. Но 5 мая горел лес уже в районе Михайловского прииска [24, 26 апреля, 9 мая]. Более того, вследствие так и не расследованных причин, 15 и 17 апреля случился пожар в Минусинской тюрьме: горели дома её администрации, фельдшера и надзирателей [24, 22 апреля].

18 апреля 1917 г. в Минусинске отмечали праздник трудящихся – 1 Мая (по но-

вому стилю), в разработке церемониала которого участвовали комитет и исполком совдепа. Празднование прошло под лозунгами «Долой войну», «Вся власть советам» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Оно было отмечено манифестацией с участием 5 тыс. человек, митингом на Субботней площади и торжественным шествием к могилам павших борцов [9, 1 мая].

Демонстрации были проведены на рудниках и копях, ст. Абакан. В ходе этих торжеств на руднике «Юлия» случился конфликт между рабочими и администрацией. 23 мая собрание рабочих и служащих отстранило служащих от работы, и 29 мая они покинули рудник. Управление производством перешло к рабочему комитету, что было одобрено Минусинским совдепом. При новом рассмотрении вопроса о рудниках «Юлия» и «Улень» он решил принять их в свое ведение. Созданное Петроградским совдепом примирительное совещание высказалось за допущение к работе управляющего и бухгалтера, а правление компании «Сибирская медь» перевело 15 тыс. руб. губернскому комиссару для уплаты жалованья рабочим. В то же время Минусинский совдеп, встретив сопротивление в лице министра труда, местных эсеров и столкнувшись с трудностями по руководству производством, был вынужден согласиться на восстановление старой администрации. Не удалось ему и продать находившуюся на рудниках медь.

Рабочие Калягинских угольных копей 1 Мая не вышли на работу и организовали митинг. Когда же администрация уволила некоторых из них, то совдеп потребовал их восстановления и соблюдения 8-часового рабочего дня. Однако кое-где праздник отмечался в прежних традициях. Очевидец с иронией писал в газету, что в этот день, например, каратузские «противники» самогонки «уничтожали» ее до бессознательного состояния [4, 30 июля; 23, с. 23; 26, 29 апреля].

В Минусинске становилось все больше бывших фронтовиков, раненых или увечных, которым требовалась государственная поддержка. Потеряв надежду получить ее в кратчайшие сроки и озлобившись, эти лица начали организовываться. 12 апреля со-

стоялось собрание увечных воинов численностью в 60 человек, на котором большевик Г.В. Лебедев призвал их к созданию своей организации. Избранная с этой целью комиссия в составе пяти членов, в частности Е.А. Глухих, М.Е. Лаптева и др., провела 16 апреля очередное собрание, на которое явилось уже 100 человек, а 27 апреля под председательством Лебедева оформилась Минусинская организация Союза увечных воинов. Присутствующие избрали представителей в состав совдепа и городское самоуправление. Властям было предложено предоставить увечным бесплатное лечение, в т. ч. на местных курортах, а также квартиры. Надеясь усилить свое влияние на общественную жизнь Минусинска, правление Союза обратилось с просьбой к КОБу о замене местной команды членами его организации.

Начавшееся с просьбы к центральным властям о передаче «капиталов» дома Романовых на нужды Союза и оказание помощи семьям погибших на войне, очередное собрание увечных воинов, перейдя к обсуждению вопроса о лицах, укрывавшихся от воинской службы, превратилось, как пишет газетчик, в «море гнева». Сопровождая свои выкрики взмахами костылей и стуком деревяшек, выступавшие потребовали от властей ускорить проверку призывников, получивших отсрочку, и допустить к этой работе представителей Союза [16, л. 9; 26, 18, 22 апреля].

Вспоминая происходившее тогда, большевики считали, что городской КОБ являлся «иллюзией, призраком революционной власти и органом буржуазии» [21, с. 133]. Более правильными были суждения тех очевидцев, которые считали, что к этому времени он, разрушив старый порядок и оказавшись под завалом мелких дел, стал властью, неспособной к созиданию нового. С целью завоевания большего доверия со стороны населения губернский комитет решил на косметический ремонт своих нижестоящих органов. 24 марта 1917 г. разработанные Соединенным исполнительным бюро правила устройства территориальных самоуправлений были переданы на апробацию в его специально созданную комиссию. После проработки их циркуля-

ром бюро от 26 марта «Об объединении... существующих и возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные» местным властям было предложено переизбрание КОБов по новой схеме.

Накануне выборов в Минусинске была создана группа «закрепления политической свободы», которая всячески склоняла выборщиков к «забвению внутренних распрей». «Победил», как писала одна из газет, «блок демократических организаций». 16 апреля в состав нового городского КОБа горожане избрали 37 членов, двое из которых немедленно были командированы с правом решающего голоса в уездный комитет.

20 апреля состоялось совместное заседание старого и нового составов КОБа, на котором прежний комитет сложил свои полномочия, а вновь созданный, ссылаясь на телеграмму губернского руководства о необходимости создания единого органа, – тут же поднял вопрос о распространении своей власти на территорию уезда. Однако этому воспротивился председатель уездного КОБа Бедро, заявивший о том, что Минусинский комитет, избранный лишь горожанами, не имеет права управлять уездом с его многотысячным крестьянством, которое к созданию данного органа отношения не имело. Комитетчики сначала отвергли предложение одного из своих товарищей о вводе 10 представителей в уездный КОБ и последующем упразднении городского комитета. Но после сообщения о назначенном на 13 мая открытии Уездного крестьянского съезда, должного избрать собственную власть, они решили этот вопрос на время оставить открытым и «продолжать работу и свои отношения с уездным комитетом на прежних основаниях».

Оставив также открытым вопрос о представительстве в своем составе политических партий и разрешив посторонним лицам высказываться на заседаниях лишь в исключительных случаях, комитет назначил жалованье еще не избранному президиуму. В тот же день было образовано Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов, и президиум в лице председателя – того же Бахова, товарища председателя – И.А. Комарихина и секретаря – Я.И. Фрей-

мана [9, 26 апреля; 16, л. 52; 25, 29 марта; 26, 13, 20, 22, 23 апреля].

Но на этом борьба за право руководить уездом не закончилась. На этот раз за него решил побороться Минусинский совет. На его заседании 21 апреля было «признано желательным принять участие в организации уезда и ... выделить комиссию из Совета в числе 4 человек и войти в сношения по этому поводу в комитет общественной безопасности о выделении такого же числа» [28, 4 мая].

Отчитываясь перед Минусинским комитетом 22 апреля, председатель уездного КОБа рассказал о том, что за два месяца существования уездного КОБа, работавшего в «тесном контакте» с городским органом, 12 его представителей с разъяснениями побывали в 91 селении. Их деятельность по организации власти в уезде осложнялась тем, что население в ряде мест восприняло свержение старого строя как полное упразднение прежнего правительственного аппарата в лице старост, старшин и крестьянских начальников. Убеждая местные общества не ломать старое управление там, где они были не в силах сразу организовать новое, данные лица оказали помощь в организации ряда волостных комитетов. Когда же Бедро доложил, что при наличии в уезде 35 волостей с 375 населенными пунктами сеть созданных КОБов охватила 21 волость и 168–169 селений, то комитетчики вновь заявили о необходимости сосредоточия власти в городе и уезде в руках одного комитета и решили делегировать в уездный КОБ своих представителей [14, л. 55; 26, 26, 28, 29 апреля].

Дело дошло до того, что ранее состоявшееся избрание правления Минусинского кредитного товарищества во главе с Бедро по заявлению его 100 членов было признано незаконным и подлежащим переизбранию, а поведение его самого – рассмотрению мировым судьей [24, 22 апреля].

Несбывшиеся ожидания начали выталкивать на политическую арену не только увечных воинов в Минусинске, но и сельских маргиналов, которые повели борьбу за власть. К примеру, в с. Каратуз, где комитетчики отличались «дружной и плодотворной» работой и население активно по-

сещало их заседания, слушало чтение газет, телеграмм и обменивалось мнениями, «темные силы» повели закулисную агитацию. В результате КОБ распался, а жители разделились на «коренных» и «разночинцев». Работавший на оборону Абаканский завод стал пристанищем бежавших от призыва в армию военнообязанных, которые создали здесь нездоровую обстановку. Вследствие слабого оповещения КОБ в с. Шалаболино, где насчитывалось 2 тыс. жителей, был создан сходом в 150 человек. При этом в его состав, а затем и председателем волостного комитета было избрано лицо, чья трансформация в «большие начальники» вызвала протесты местных крестьян.

Избранные в комитеты лица зачастую оказывались людьми юридически неграмотными. Подменяя судебные органы, они принимали решения, которые дискредитировали власть. Так, Бейский КОБ за кражу пилы и самовольное оставление тюрьмы арестовал на девять суток одного из жителей, что было признано вмешательством в дела волостного суда. Местное население с разрешения комитета и при поддержке мирового судьи использовало под посев отведенные землеустроителем и обработанные земли иудинских крестьян. Незаконное решение по гражданскому делу принял и Табатский КОБ. С прибытием фронтовиков Бейский комитет с его «примиренческой позицией» был переизбран. Ставшие во главе КОБа солдаты прекратили чтения и собеседования по праздничным дням и вскоре арестовали, отправив в тюрьму, лесника и помощника кондуктора.

Борьба за власть развернулась и в Таштыпе. Она была обусловлена тем, что казаки, боявшиеся изъятия земель и уравнивания в правах с крестьянами, не хотели, чтобы в КОБ попали «разночинцы». Комитет, созданный сначала, оказался организованным «неправильно», второй был «незаконным», третий признавался «правильным», но его, по предложению уездного КОБа, следовавшего пожеланиям обозленных на бедноту станичников, также переизбрали. Возбужденные выборами, проходившими во время посевной, крестьяне во избежание скандала покинули собрание и избрали

свой орган. В свою очередь, состоявшийся 24 апреля волостной съезд признал этот комитет недействительным и назначил новые выборы. В тот же день «старые заправилы» вызвали представителей из окрестных деревень с целью досрочного избрания КОБа. Но прибывший из поселка Абаканского завода председатель местного комитета и, как его потом называли местные недоброжелатели, «проходимец» Тарелкин организовал митинг, на котором, подчинив себе собравшихся, осуществил организацию волостного комитета [24, 20, 28 апреля, 4, 14 мая].

С такой же напряженностью проходило создание КОБа на ст. Абакан. По свидетельству большевистской газеты, имевшиеся здесь «темные силы», используя клевету, якобы, опорочили кандидатов от РСДРП и вместе с уйбатскими рабочими предложили избрать в его состав председателя правления Усть-Абаканского общества потребителей Е.Д. Романова и кладовщика Шадрина. Но третейский суд, используя свидетельства некоего рабочего о недемократических высказываниях Романова, отвел его кандидатуру [28, 4 мая].

В этих условиях большевики, уже нацелившиеся на захват власти, усилили свои действия по завоеванию Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов. Создав «Рабочий клуб», они с 9 апреля стали выпускать газету «Товарищ», на страницах которой пропагандировали свои идеи. Данная агитация и руководящая роль в профсоюзах позволили большевикам 25 апреля на перевыборах исполкома совдепа оказаться во главе этого органа. Избранными оказались социал-демократы Адосинская, Герасимов, Карпов, Педаяс, Пфафродт и Южанин, эсеры Добров, Злобина-Ядринцева, Козлов и Комарихин. Из них Адосинская, Добров, Карпов, Козлов, Педаяс, Пфафродт и Южанин были избраны членами бюро, а остальные – кандидатами. Вместо эсера Агуфа председателем совдепа сначала стал большевик Г.И. Пфафродт, а с его отъездом – Гавен [2, с. 46, 48; 23, с. 23].

В то же время заниматься практическими делами, улучшающими положение конкретных людей, желающих среди ответственности находилось немного. За два ме-

сяца, прошедших после решения властей о создании продовольственного комитета, он так и не был сформирован. 29 апреля в третий раз состоялось общее собрание Торгового продовольственного комитета, на котором из 25 его членов присутствовали 13 человек. Они, наконец, сконструировали этот орган в составе пяти членов, в ближайшее время должны сложить свои полномочия в пользу городской думы.

Поэтому, когда власти были вынуждены озаботиться положением слабо защищенных категорий населения, то они ограничились обещаниями и обращениями. 27 апреля Минусинский КОБ, заслушав прошение общего собрания солдаток об увеличении пайка, ходатайствовал перед Временным правительством о выплате пособий женам воинов, а перед городским управлением – о скорейшем открытии очага для детей солдаток. Через день Минусинский совдеп также направил просьбу об увеличении пайка солдатским женам, но уже в Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов [14, л. 59; 22, с. 218].

Со времени, когда совдеп возглавили большевики, отношения между ним и комитетами еще более обострились. Вскоре совдеп, вопреки распоряжению командующего Иркутским военным округом, вынес решение не посылать солдат в маршевые роты, направляемые на фронт, а оставить их для укрепления местного гарнизона. Согласно воспоминаниям очевидцев-большевиков, после этого в Минусинск для судебного разбирательства над членами совета прибыл военно-полевой суд с помощником командующего и военным прокурором. Но заявление опиравшегося на гарнизон совдепа о снятии ответственности за сохранность жизни данных лиц заставило их удалиться [2, с. 48–49].

Начавшиеся следом события, обусловленные разочарованием общества в результатах революции, его озлобленностью и большевистской агитацией, показали бессилие властей. Еще 24 апреля освобожденные из заключения получили 59 лиц, изъявивших желание поступить на военную службу. Но, оказавшись на свободе и сгруппировавшись вокруг убийцы и бывшего каторжника М. Анисимова, они тут

же потребовали отправки в армию тюремных надзирателей и начали их терроризировать. Речной мост, через который лица, служившие в тюрьме, возвращались в город, стал местом, где встречавшие их бывшие заключенные и солдаты приводили свои угрозы в реальность, используя даже режущее-колющее оружие. В первых числах мая несколько надзирателей «шайкой» Анисимова, Петрушина и Поварницына были избиты, ранены и задержаны. Служащие тюрьмы ожидали разгрома своего учреждения и расправы над собой.

Этот беспредел совпал с прибытием 2 мая пароходом нескольких сотен солдат-отпускников, которые сразу же внесли в местную среду «революционные настроения» и заставили Минусинск пережить «тревожные дни». По предложению их делегации местным советом был организован в казармах митинг с участием солдат гарнизона. Собрав вокруг себя до 300 солдат, выступавшие из числа местных увечных воинов и рабочих указали, что бывшие полицейские Тетюхин, Горошников и др. находятся на свободе и ведут черносотенную агитацию. Они обвинили КОБ и совдеп в недостаточной решительности. Председательствующий на митинге большевик Гавен заявил о том, что распоряжение Временного правительства об отправке бывших полицейских чинов на фронт запоздало. Тогда митингующие предложили своими силами арестовать «буржуев и кулаков военного возраста», окопавшихся в тылу и призывавших воевать «до победного конца». Митинг закончился принятием резолюции, требующей не только увеличения пайка солдатским семьям и переизбрания коменданта Цявловского, но и немедленной отправки на фронт бывших полицейских и прочих «капиталистов».

После того как председательствующий санкционировал данную резолюцию от имени совдепа толпы солдат и примкнувших к ним местных хулиганов подвергли городскую управу обыску, избили, арестовали и сопроводили к начальнику гарнизона 15 в прошлом чинов полиции. Подвергнув аресту председателя КОБа, коменданта города, начальника милиции и черносотенца Ф. Солдатова, митингующие создали

«новое правительство». 3 мая состоялось объединенное заседание представителей общественных организаций и солдатских делегатов, которое решило передать власть в городе и в уезде комитету общественной безопасности, совету рабочих и солдатских депутатов и комитету прибывающих солдат. Милиции и местной команде было указано взять охрану порядка в городе в свои руки и аресты без ордера коменданта не допускать, а тюремной администрации – закрыть камеры, прекратив свободное общение заключенных. Наконец, такая одиозная личность, как Анисимов, 4 мая была вновь заключена за тюремную решетку.

Будучи под впечатлением от этих событий и сдавая свои позиции, Минусинский КОБ сменил неугодного большевикам начальника городской и уездной милиции и решил участвовать в создании Соединенного исполнительного бюро, оставив пятерых своих членов (Ф.А. Герасимова, М.А. Ермолаева, И.Е. Карпова, Ф.С. Лукьянова и Н.И. Тропина) и введя в его состав столько же представителей от совдепа и по двое – от Союза увечных воинов и комитета прибывающих солдат. Комитет был вынужден не только поделиться своей властью с радикалами, но и указал на недопустимость поведения кооперативных организаций, собиравших, минуя КОБ и совдеп, о событиях губернским властям [2, с. 50; 14, л. 62–63, 69; 15, л. 119; 26, 4, 5, 7, 13 мая; 29, 4 мая].

Но конфликтная ситуация этими событиями не была исчерпана и приобрела вялотекущий характер. Наблюдались, к примеру, рецидивы погромных настроений: 5 мая толпа солдат, встретив учащих городского училища, отмечавших праздник и торжественно возвращавшихся в город под знаменем учебного заведения, решила развлечься. Она отобрала знамя, возвращенное потом училищу милицией, и пыталась избить участников шествия.

Одновременно комитет общественной безопасности продолжал заслушивать участвовавшие требования большевиков, солдат и уступать их вмешательству в свои дела. Так, 8 мая он согласился с временным назначением на должность помощника начальника милиции рядового стрелка 13-го

Сибирского запасного полка Н.С. Исаева, 11-го – разбирался с обвинением солдатами городской управы в неправильной выдаче пособий их семьям, а 17-го – с заявлением 75 увечных воинов о замене местного гарнизона и Усинской полуроты членами их Союза [24, 7, 11, 20 мая].

Но, когда представители организаций увечных воинов и солдат стали вмешиваться в работу специального комитета по отсрочке призыва в армию и допустили угрозы в адрес его членов, то КОБ все же решился на защиту своих служащих. Передав рассмотрение этого инцидента в совдеп, он предложил данным лицам выйти из его состава, начальнику же гарнизона указал на необходимость поставить караул у воинского присутствия [14, л. 66].

Позднее власти дополнили комитет по отсрочке комиссией, должной преследовать уклонистов от военной службы, вооружили милицию наганами и призвали гарнизон к дисциплине. Однако такие меры не способствовали улучшению обстановки: солдаты арестовали и избili гласного городской думы и в ночь на 31 мая забросали камнями квартиру, ранив минусинского обывателя. В конечном итоге КОБ счёл необходимым удалить представителей Союза увечных воинов из комитета по отсрочке, а совдепу предложил расследовать их поведение [14, л. 76; 26, 1, 2, 14 июня].

Несмотря на усложнившуюся ситуацию и одобренную собранием уполномоченные волостных комитетов реорганизацию своей власти и создание Крестьянского союза, городские комитетчики продолжали обсуждать отношения с Уездным КОБом. Эту борьбу за власть в уезде завершил проходивший в Минусинске 13–18 мая уездный крестьянский съезд. Собрав до 500 делегатов, он выступил за создание коалиционного правительства с широким представительством народных масс, заявил о невозможности заключения сепаратного мира с немцами и призвал народ «к защите нашей свободы от всяких посягательств на неё, как изнутри, так и извне». Представители деревни высказались за социализацию земли, устранение крестьянских начальников, предоставили иностранцам право создания собственного земства и наметили меры

по борьбе с самогоноварением. Участники съезда избрали уездную земскую управу с функциями уездного КОБа в составе председателя В.С. Карцева и членов Е.Д. Доброва, П.С. Каргаполова, А.З. Назарова, Н.И. Окунева, А.И. Семенюка и Н.И. Тропина, а также крестьянский совет и представителей в уездный продовольственный комитет.

Наконец, на съезде завершилось неприятие местными властями назначения губернским комиссаром своего уездного представителя. Было решено пойти в этом вопросе на компромисс и утверждать в этой должности лицо, предлагаемое уездной властью. Комиссаром Минусинского уезда стал П.Н. Тарелкин, а начальником его милиции – Т.И. Савенков [26, 20 мая; 28, с. 50].

Будучи недовольными таким исходом и деятельностью своей фракции на съезде, большевики 21 мая на заседании Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов попытались вновь обсуждать вопрос об организации власти в уезде. При этом они не согласились поделить места в совдепе с крестьянским представительством [24, 21 мая].

Между тем, когда ситуация требовала объединенных усилий со стороны властей, то они, случалось, договаривались. К примеру, это произошло на соединенном заседании городского и уездного комитетов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 20–21 мая, которое обсуждало меры по спасению леса, пострадавшего от пожара и самовольных порубок. Было решено послать в районы возгорания необходимое количество конных объездчиков, милиционеров и подчинить лесную стражу избранным комиссарам – большевику Гавену, эсерам Павлову и Тютюбееву [24, 21 мая, 1 июня].

На селе, в отличие от Минусинска, где усилилась борьба за власть, комитетчики все еще пользовались авторитетом и были способны мобилизовать общества на сбор хлеба и денежных средств на нужды армии. Встретив с негодованием предложение Григорьевского КОБа не платить подати, Лугавский комитет, во главе которого находился учитель И.Н. Катанов, организовал

в волости подписку на заем свободы и заготовку хлеба в поддержку Временного правительства. Деньги и хлеб пожертвовало на эти же цели Ново-Вознесенское общество Шушенской волости, жители с. Уджей, Сагайского, Дубенского, Восточенского, Малой Минусы, Малой Ини, Кочергино, Ново-Вознесенского и Ново-Троицкого. Состоявшийся в с. Шушенском сход жителей собрал в поддержку Временного правительства 2 тыс. пудов ржи [24, 3, 4, 20 июня].

Однако и здесь, случалось, что крестьянство, находясь под влиянием распропагандированных солдат, выступало в поддержку власти советов. Так, 24 мая состоялся митинг в с. Ермаковском, в котором участвовали 120 отпускников и около тысячи крестьян. На нем, согласно более поздним воспоминаниям, была принята резолюция с требованием передачи всей власти советам и объединения советов рабочих, солдатских депутатов с советами крестьянского представительства [11, 27 сентября].

В деревне все чаще стали проявлять себя лица, далекие от революционных иллюзий и способные на насилие. К примеру, Каптыревский волостной комитет, якобы за присвоение бересты, необходимой для выгонки дегтя, несправедливо оштрафовал жителей д. Вознесенской, а отобранные у населения металлические части самогонных заводов присваивал себе. Появившиеся на селе «новые люди» своим поведением вносили дезорганизацию в привычную жизнь крестьян. Под их воздействием состоявшийся 31 мая сход жителей с. Курагино постановил, а местный КОБ, действуя под красным флагом, конфисковал мельницу известного в прошлом предпринимателя Н.П. Пашенных. Сговорившись, представитель Ачинского совета рабочих и солдатских депутатов и местные комитетчики большевик К. Базаркин и «горлопан» Е. Гулыков арестовали 70-летнего человека. На просьбу одного из очевидцев облегчить положение арестованного комитетчик посоветовал дать ему вместо подушки камень. Лишь после вторичного распоряжения из Минусинска Пашенных был освобожден. 4 июня в д. Мангалык Ермаковской волости на гулянку, устроенную кре-

стьянином соседям, которые помогли ему построить сарай, явился солдат-отпускник. Напившись, он одного из «помочан» избил, а за другим гонялся с топором. Зная, что дебошир является братом председателя местного КОБа, крестьяне оставили его в покое [10, с. 61; с. 16; 26, 3, 4, 20 июня].

Решение крестьянского съезда об усилении борьбы с самогонварением на местах зачастую выполнялось с искажением. Создавая новый КОБ в с. Лугавском, бывшие солдаты обещали, что «с корнем уничтожат самогон». Но 14 июня сами устроили попойку. В с. Колмаково лица, на которых пало подозрение в самогонварении, были вызваны в КОБ и избиты. Напротив, когда комитетчики и милиционеры д. Уджей Сагайской волости объявили населению о прекращении винокурения, то явившиеся в правление самогонщики, пригрозив убить, довели их до сложения своих полномочий. Свидетельством слабости сельской власти стали и участвовавшие пожары. Их огнем была уничтожена часть д. Большая Иня, потерпели от них и жители с. Субботино и Шушенского [24, 11, 21, 25 июня].

Вслед за решением крестьянского представительства о переходе к земскому управлению, за избранием и утверждением уездного комиссара комитеты общественной безопасности стали преобразовываться в новую систему власти. К примеру, состоявшийся 23 мая сход жителей с. Таштып постановил реорганизовать управление в сельскую земскую управу. Проходившее 24–26 мая делегатское собрание Таштыпской волости создало волостную земскую управу в составе председателя С.Е. Еремеева, членов К.Н. Потанина, Н.Т. Голощапова и кандидатов к ним П.А. Сипкина, Я.В. Терских. Его участники избрали делегата на губернский крестьянский съезд, земских судей и волостной комитет. Организовав местную милицию, они утвердили строгие меры наказания хулиганов и высказались за распространение среди населения государственного займа свободы. Или в с. Каратуз созданный с известием о революции КОБ в июле 1917 г. распался: «старый» комитет под председательством эсера Фролова продолжал существовать вплоть до ликвидации Учредительного собрания, а

радикалы из крестьян объединились в комитет бедноты, преобразованный после октябрьских событий 1917 г. в совет [26, 14 июня, 23 декабря; 27].

Пройдя через июльское обострение политической борьбы, в результате которой объединенная группа РСДРП раскололась на организации меньшевиков и большевиков, а из эсеровской организации выделились левые социалисты-революционеры, комитеты общественной безопасности с созданием земских органов самоуправления и городской думы утратили политическую значимость и должны были прекратить свое существование.

Последние решения и дела городского и уездного комитетов были направлены на улучшение положения лиц, страдающих от тягот войны, а также на сохранение общественных богатств и населения. Вследствие того, что городская больница, рассчитанная на 35 коек, не вмещала больных, Минусинский КОБ в конце мая обратился к инспек-

тору военно-санитарной части штаба Иркутского военного округа с просьбой об открытии приемного покоя для раненых и больных воинов и в соответствующие органы – об увеличении ассигнований на содержание больницы. В июне комитетчики еще раз озаботились обеспечением продуктами солдатских семей, пообещав увеличить месячный паек на взрослого члена до 5 руб. и более. Ими были выданы пособия солдатским семьям и непосредственно солдаткам, поддерживался «очаг» для детей воинов, а больным и раненым в действующую армию отправлены белье, теплая одежда и подарки.

Решением городского КОБа от 20 июля для борьбы со спекуляцией хлебом в помощь продовольственному комитету была направлена милиция. Из-за того, что лесничий отказался отпускать средства на содержание лесной стражи, комитет обратился в земельный орган с просьбой о принятии мер по охране лесов [14, л. 69, 73; 26,

Минусинская политическая ссылка в 1916 г. (Слева направо первый ряд сверху – первый В.А. Ватин-Быстрянский, четвертый – А.П. Спундз, восьмой – А.П. Голубков, ниже его – В.К. Иков (Миров), во втором ряду сверху – первый Н.Я. Быховский, четвертый (с ребенком) – Ф.И. Дан, шестая – Е.Д. Стасова, в первом ряду снизу (вторая справа с ребенком на руках) Л.Н. Доброва-Ядринцева. Все фотографии из фондов Минусинского музея)

16, 22, 24 июня, 22 июля].

К осени 1917 г. часть политических ссыльных, бывших членами КОБов, разъехалась. Обезглавленные, но все еще сохранявшиеся кое-где волостные и сельские КОБы начали предъявлять свои права на лес и землю, поддерживать или даже иницировать их захваты. Они же стали инициаторами организации крестьянских сходов, поддержавших кандидатов в члены Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров.

С большевизацией революционного процесса, а потом и с воцарением коммунистического режима судьба многих комитетчиков оказалась трагической. За участие в корниловщине был расстрелян на Кубани первый руководитель минусинской милиции Адамович. Аресту подвергся в Петрограде при разгроме большевиками редакции меньшевистской газеты «Рабочая газета» Хачатуров. Во время антибольшевистского переворота 1918 г. от рук повстанцев погиб Герасимов. Карцев в апреле 1921 г. был казнен в Минусинске как антисоветский «заговорщик». Ставшие гласными городской думы и почетными гражданами Минусинска Бахов и Тропин, а также Бедро и Тарелкин неоднократно арестовывались, находились в заключении. Террору подверглись не только эсер Быховский и меньшевик Иков, но и большевик Гавен.

Следовательно, в Минусинске, как и в целом по стране и Сибири, воодушевленная революцией общественность создала свою власть в лице специального органа. Однако Минусинский комитет общественной безопасности, сломав структуры прежнего управления, недолго оставался единственным выразителем интересов народных масс. Настроенные более радикально представители социалистических партий вскоре организовали свой орган власти – совет рабочих и солдатских депутатов, который после завоевания его большевиками превратился в политического конкурента. Сам комитет, не имея реальной поддержки со стороны государства, больше занимался декларацией демократических преобразований и заявлял свое право руководить регионом. Такая деятельность местных политиков была обусловлена не предательством

государственных интересов, а их мировоззренческими взглядами. Сложившееся же многовластие привело к разочарованию народных масс в демократических преобразованиях и к утрате скреп, удерживавших общество от распада и тормозивших его бунтарские настроения. В результате демократическая общественность Минусинска, ставшего революционным форпостом на юге Сибири, подверглась натиску солдатской толпы и еще задолго до октября 1917 г. начала сдавать свои позиции перед радикалами.

Происшедшие в минусинском регионе события и их последствия были закономерны, предсказуемы и характерны для всей страны. Неудачное властвование российской демократии создало условия для дальнейшей политической и социально-экономической дезинтеграции, возникновения вакуума власти, усиления социально-политического противостояния в обществе и эскалации насилия. Стал обваливаться еще достаточно сильный традиционалистский строй, имевший немало сторонников среди правящей элиты. Политическая нестабильность усугубила хозяйственный развал страны, которая начала быстро вкатываться в полосу социально-политических катаклизмов и хаоса.

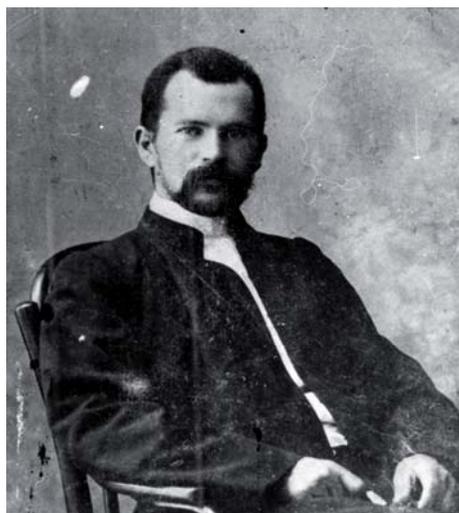
Приложение

Биографические справки

Агуф Михаил Аронович – 1890 года рождения, уроженец г. Бердянска, из семьи конторщика, по национальности еврей. Сдал экстерном за курс гимназии. В революционном движении с 1904 г., а с 1907 г. – член ПСР. Осуществлял подпольную работу в Харбине и Благовещенске. В феврале 1907 г. арестован, в ноябре 1910 г. судился Харбинским пограничным окружным судом и по протесту Иркутской судебной палаты в сентябре 1911 г. приговорен к ссылке. В 1912–1916 гг. отбывал наказание в Якутске, где давал частные уроки, служил конторщиком, в 1916–1917 гг. – в Минусинске (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. М., 1934).

Бедро Иван Прохорович – 1874 года рождения, уроженец Полтавской губернии. Окончил Уманское училище земледелия и

садоводства, Петровскую земледельческую и лесную академию. Служил в уездном

сельскохозяйственном обществе г. Лохвица агрономом в земстве и заведующим опытным полем, избирался земским гласным. За революционную деятельность арестовывался и в октябре 1908 г. был сослан в Сибирь. С 1910 г. находился в Минусинске, где организовал станцию плодородства и проводил селекционную работу. Активный участник распространения на Енисее кооперации. После февраля 1917 г. – председатель уездного комитета общественной безопасности, делегат II Всесибирского съезда кооператоров, III, VI, VII Минусинских уездных крестьянских съездов и член Сибирской областной думы. С мая 1920 г. дважды арестовывался, осужден и до декабря 1924 г. был в заключении. Вернувшись, продолжал в Минусинске селекционную деятельность, написал труды по сибирскому садоводству. В 1930 г. переехал в г. Сталинск (Новокузнецк), где руководил садово-парковым хозяйством. В феврале 1933 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности был вновь арестован и приговорен к трехлетней ссылке в Нарымский край. С 1935 г. – научный сотрудник Майкопского отделения ВИР. В 1938 г. переехал в ст. Белореченскую Краснодарского края. Умер в 1943 г. (Шекшеев А.П. Еще раз об И.П. Бедро – политическом деятеле, кооператоре и садовом // Сборник материалов Первых межрегиональных чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 6–7 окт. 2011 г. Абакан, 2012).

Быховский Наум Яковлевич (Нохим Шебшелович) – 1875 или 1876 года рождения, уроженец г. Смоленска, по другим данным, Черниговской губернии, из мещан, по национальности еврей. Окончил фельдшерскую школу. Начал журналистскую деятельность с публикации в 1889 г. в «Киевском слове», печатался во многих изданиях. В революционном движении с 1893 г. В 1894 г. в Санкт-Петербурге был арестован и по обвинению в принадлежности к группе народовольцев сослан в Сибирь. С 1901 г. – член ПСР. Скрывался от преследований царизма в эмиграции, семь раз подвергался аресту и трижды высылался на поселение в Иркутскую и Енисейскую губернии. Один из лидеров минусинских социалистов-революционеров. В 1917 г. – член редакции газеты «Дело народа», исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Главного земельного комитета и ЦК ПСР. Избирался в члены Всероссийского Демократического Совета и Учредительного собрания. В 1918–1919 гг. – в составе Сибирской областной думы, редактор ряда эсеровских газет и член Политцентра. С 1920 г. – профессор Иркутского университета, др. вузов, неоднократно арестовывался, отбывал заключение в политических изоляторах и высылался в Казань и Самарканд. В 1937 г. был в очередной раз арестован и сослан в Омскую область. Здесь вновь как участник антисоветской, террористической организации подвергся задержанию и в феврале 1938 г. был Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) – 1884 года рождения, уроженец Лифляндской губернии, из крестьян, по национальности латыш. С 1901 г. – член ЛСДРП, пропагандист и член Рижского комитета. Делегат V съезда РСДРП в Лондоне. В феврале 1908 г. арестован и приговорен к шести годам каторги. Отбывал ее в Рижском центре и в Вологодской тюрьме. В 1914 г. был сослан в с. Чадобец Пинчугской волости Енисейской губернии. Будучи больным костным туберкулезом, весной 1915 г. перенес операцию. Работал в красноярской типографии, арестовывался и

высылался в с. Ермаковское Минусинского уезда, а с лета 1916 г. – в Минусинск. С марта 1917 г. – руководитель местного комитета большевиков, затем редактор газеты «Товарищ» и председатель совета рабочих и солдатских депутатов. С ноября 1917 г. – на руководящей партийной и военной работе в Крыму. Делегат VIII съезда РКП(б). Один из организаторов массовых расстрелов белого офицерства. В 1921–1924 гг. – председатель ЦИК Крымской АССР. По обвинению в троцкизме в 1936–1937 гг. подвергся смертной казни (Беляевский С. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964; Борцы революции: Биобиблиограф. указ. Красноярск, 1990; Гавен. Из кн. В. Баранченко. <http://www.gramotey.com/>).

Герасимов Фрол Анисимович – 1876 года рождения, уроженец Казанской губернии. С 1891 г. – рабочий, с 1903 г. – член РСДРП. В 1906 г. бежал от ареста в Си-

бирь, работал в железнодорожных мастерских г. Красноярска. В 1915 г. за большевистскую агитацию уволен и переехал в Минусинск. После октябрьских событий 1917 г. являлся активным членом Минусинского Совета, комиссаром Алтайской экономии. Погиб во время антибольшевистского переворота 1918 г. (Шекшеев А.П. Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 50-х гг.). Абакан, 1988).

Голубков Александр Павлович – 1880 года рождения, уроженец г. Москвы, из семьи бухгалтера. Окончил Московский университет (1903), по профессии врач. В революционном движении с 1900 г. С 1902 или 1903 г. – член большевистской фракции Московской организации РСДРП, работал среди студентов под кличкой «Андрей Рублев». В 1903–1904 гг. – в Смоленске, в центрально-техническом бюро партии. В декабре 1904 г. арестовывался, затем занимался революционной работой в Самаре, Орле и участвовал в Московском вооруженном восстании. Руководил изданием газеты «Вперед». В 1906 г. дважды арестовывался, выслан в Тверь. В феврале 1907 г. эмигрировал за границу. Вернувшись осенью 1907 г., работал в Петербурге секретарем ЦК партии. Участник Парижской конференции «большевистского центра». В июне 1909 г. в Санкт-Петербурге был арестован и в октябре 1910 г. Московской судебной палатой приговорен к ссылке. Отбывал её до 1917 г. в Минусинске. С возвращением в Москву работал во Всероссийском земском союзе, был членом Сокольнической управы и исполкома. С 1918 г. – член коллегии Наркомздрава, позднее руководил работой его издательства, являлся заместителем председателя ЦК Общества Красного Креста РСФСР. Оставил воспоминания о 1905 г. в Москве. Умер в 1945 г. (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1930; Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] / URL: [http:// bigmeden.ru](http://bigmeden.ru))

Добров Евгений Дмитриевич – 1888 года рождения, уроженец Тамбовской губернии, из семьи чиновника. Окончил гимназию. С 1905 г. – член ПСР, распростра-

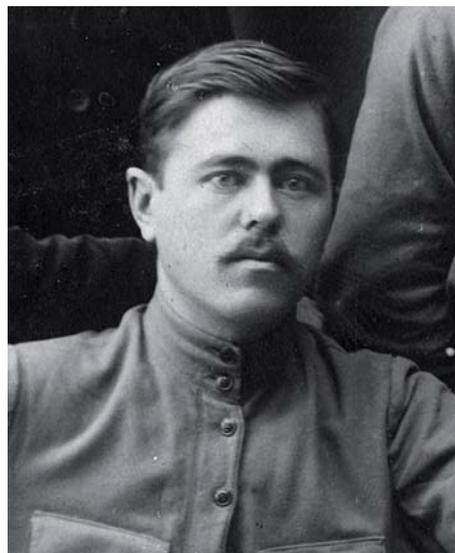
нял в Курской губернии нелегальную литературу, участвовал в вооруженном восстании. В 1907 г. дважды арестовывался, после третьего ареста приговорен Харьковской судебной палатой к восьми месяцам заключения в тюрьме и в 1908 г. выслан на четыре года в Туруханский край. В 1910 г. был вновь арестован и за принадлежность к ПСР приговорен к ссылке. Отбывал её в Рождественской волости Енисейской губернии, а в 1915–1917 гг. – в Минусинске. Работал в кооперативе. В 1917 г. от ПСР выдвигался кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания.

Доброва-Ядринцева (Злобина) Лидия Николаевна (1885–1942) – родилась в Санкт-Петербурге, в семье известного сибирского областника и писателя. Была слушательницей Высших женских курсов Герье. Член партии социалистов-революционеров. По обвинению в соучастии в покушении на убийство московского градоначальника генерал-майора А.А. Рейнбота арестовывалась, находилась в тюремном заключении, затем – в ссылке в г. Минусинске. Здесь являлась одним из лидеров местной группы ПСР. 1920-е гг. – этнограф, историк, сотрудничала в целом ряде газет и журналов, автор исследований о населении Сибири, туземцах сибирского Севера.

Иков Владимир Константинович – (1882–1956), уроженец г. Москвы, литератор, публиковался под псевдонимами – «Миров» и «Гродецкий». С 1901 или 1902 г. – участник революционного движения, социал-демократ (меньшевик), с 1903 г. – в составе группы Ю.О. Мартова «Единение», партийная кличка – «Вадим». Делегат IV, V съездов РСДРП. В 1917–1918 гг. – член «Комитета спасения Родины и революции». С 1918 г. – в системе кооперации. С 1924 по 1928 г. находился в ссылке на Урале и в г. Тула. Вернувшись по амнистии, работал помощником редактора отдела литературы, искусства и языкознания Большой Советской энциклопедии. В марте 1931 г. был одним из обвиняемых на процессе по делу контрреволюционной организации «Союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков). Осужден Верховным судом СССР на восемь лет тюремного заключе-

ния. В 1940-е гг. – библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. В 1951 г. вновь арестован. Автор книги «Николай Гаврилович Чернышевский» (М., 1928), мемуаров «Листопад», перевода пьесы Б. Шоу «Тележка с яблоками» и др. (Иков В.К. – Ф. 68 Центрального Московского архива – музея личных собраний [Электронный ресурс] / URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/gui_debook.html?...sid...; (Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931; Известия. 1931. 6 марта; Ширяева Н.В., Черновал Г.В. В.К. Иков и его мемуары // Отечественные архивы. 1993. № 5).

Лебедев Георгий Виссарионович – (1891–1953), уроженец с. Абаканского Минусинского уезда Енисейской губернии, из семьи служащего. Окончил двухклассное

училище. В 1906–1914 гг. служил в торговых предприятиях и домах Минусинского уезда. С 1915 г. – участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. В 1916 г. служил бухгалтером одной из минусинских торговых фирм, позднее – председатель Союза торговых служащих. С марта 1917 г. – член Минусинской организации РСДРП, председатель Союза увечных воинов, через год – член Минусинского совдепа и командующий его войсками. В июне того же года был арестован, в сентябре – эвакуирован из

Красноярской тюрьмы на Дальний Восток. Освобождённый в январе 1920 г., занимался политической работой в Красной армии, формированием партизанских отрядов, представлял советскую власть на переговорах с японцами. С февраля 1922 г. – один из партийных руководителей Приамурья. Затем во Владивостоке и Хабаровске руководил торгово-экономической и финансовой деятельностью советских органов. В марте 1930 г. был отозван в Москву, где служил на ответственных должностях в советской экономике, выполнял специальные задания ЦК ВКП(б). (Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Оп. 1. Д. 557).

Пфафродт Генрих Иванович (Генрих-Иоган) – 1889 или 1890 года рождения, уроженец г. Рига, из семьи рабочего, по национальности немец. Окончил городское и ремесленное училища, слесарь-токарь. В революционном движении с 1906 г., примыкал к РСДРП. В 1908–1913 гг. проживал в Дрездене и Берлине.

Возвращался в Россию и, например, в 1909 г. работал в Санкт-Петербурге на заводе «Ст. Леснер» и являлся подпольщиком под кличкой «Бруно». С началом Первой мировой войны был членом Петербургского комитета РСДРП, руководил стачками. Неоднократно арестовывался. В августе 1914 г. осужден Петербургской судебной палатой за принадлежность к РСДРП к

ссылке. Отбывал ее в Иркутской губернии. Бежал, проживал в различных городах Сибири. С отъездом из Минусинска – член ЦК Союза металлистов в Петрограде, с октября – член ВЦИК. В 1919 г. – комиссар дивизии и председатель ревтрибунала Южного фронта, начальник разведотдела штаба фронта. С 1921 г. – председатель комиссии по чистке Крымской парторганизации. В последующем – на хозяйственной работе. С 1931 г. пенсионер. Арестован в 1935 г. и расстрелян в 1937 г.

Тарелкин Павел Николаевич – 1878 года рождения, уроженец Костромской губернии. Окончил сельскохозяйственную школу, бухгалтер. С 1905 г. – член ПСР. За революционную деятельность трижды арестовывался. В 1909 г. сослан в с. Бушуй Енисейского уезда Енисейской губернии. Служил бухгалтером Красноярского военно-промышленного комитета, Абаканского железодельного завода. В 1917 г. и с середины 1918 г. – уездный комиссар и управляющий Минусинским уездом. С падением белой власти скрывался, работая бухгалтером в Мариинске. В сентябре 1920 г. был арестован, доставлен в Красноярск и в марте 1921 г. приговорен к заключению. В ноябре 1923 г. был по амнистии освобожден. Работал служащим в различных учреждениях Красноярска, официально порвал с ПСР. В феврале 1931 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации был арестован, а в марте – приговорён к трем годам заключения (Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006).

Тропин Николай Иванович – 1874 года рождения, уроженец приискового поселка Кизас Минусинского уезда Енисейской губернии. С 1917 г. – член ПСР. Позднее – заместитель председателя Минусинской городской думы, секретарь в местном краеведческом музее. В 1937 г. был расстрелян.

Статья поступила 01. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

2. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–

- 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
3. Голдин В.И. 1917 год в России: историографические тенденции последних лет и современность // 1917 год в российской и мировой истории: Материалы междунаро-д. науч. конф. (Красноярск, 14–15 нояб. 2007 г.). Красноярск, 2007.
  4. Голос народа. 1917.
  5. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987.
  6. Дементьев А.П. Правительственные комиссары и Комитеты общественной безопасности в Енисейской губернии в 1917 г.: к вопросу о взаимоотношениях // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краевед. чтения (5 дек. 2012 г.). Красноярск, 2012.
  7. Дробченко В.А. Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 – начала 1918 г. // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 120-летию Томского государственного университета. Т. II. Томск, 1999.
  8. Ермолаева Л.Н. Алфавитный список (основной) политических ссыльных Минусинска и Минусинского уезда (1827–1917) // Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Ф. 1. Оп. 4. Д. 927.
  9. Знамя труда. 1917.
  10. Кордонская М. Сибирское крестьянство в дни Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1928. № 10.
  11. Красноярский рабочий. 1957.
  12. Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006.
  13. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6.
  14. Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.
  15. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 4.
  16. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 5.
  17. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 6.
  18. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 10.
  19. Наш голос. 1917.
  20. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан, 1963.
  21. Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки в 1917–1918 гг. // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. Кн. 36. М., 1927.
  22. Сагалаков Э.А. Социально-политические процессы в Минусинском уезде в феврале – октябре 1917 г. // Власть и общество: Межрегион. науч.-практ. конф. Окт. 2003 г. Абакан, 2003.
  23. Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. Абакан, 2010.
  24. Сазонов Е.А. Предпосылки формирования большевиками образа «врага народа» к октябрю 1917 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001.
  25. Свободная Сибирь. 1917.
  26. Свобода и труд. 1917.
  27. Соболев И.И. Гражданская война в Каратузе // Знамя труда. 1998.
  28. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991.
  29. Товарищ. 1917.
  30. Шиловский М.В. Почему Красноярск в 1917 году стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, тел. 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Shekshhev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization Society «memorial», 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Shetinkina 59–49, phone 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru